

Александр Чернов

Сладкий поцелуй

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

— Вчера днем на улице Королева совершенно ограбление, — говорил сухой женский голос за кадром, а на экране телевизора появилась панорама неширокой старенькой улицы. — В четыре часа к пункту обмена валюты подъехала инкассаторская машина. Двое инкассаторов отправились в здание обменника, а третий и водитель остались в автомобиле. Когда инкассаторы вышли из здания, двое неизвестных молодых людей открыли по ним и находившимся в машине людям огонь из пистолетов. Действия вооруженных преступников были хорошо организованы, дерзки, хладнокровны и неожиданны. Работники службы инкассации не сумели ничего предпринять в ответ. В результате стрельбы водитель и трое инкассаторов были убиты. Один из нападавших — атлетического сложения парень лет двадцати восьми — выхватил из рук упавшего инкассатора сумку с деньгами, перебежал дорогу и скрылся в проходе между двумя зданиями. Двое других молодых людей побежали в противоположном направлении по

прилегающей к улице Королева улице Вавилова и вскоре исчезли в подъезде одного из домов. Выскочившая на звуки стрельбы из расположенного неподалеку ювелирного магазина охрана погналась за грабителями, однако тем удалось скрыться. Прибывшая на улицу Королева группа сотрудников полиции произвела осмотр места происшествия и опрос свидетелей. И подъезд дома, и двор оказались проходными. Никто из опрошенных свидетелей не видел грабителей после того, как они исчезли с места преступления. Объявленный по городу план «Перехват» результатов не дал. Преступление оказалось тщательно спланированным. Возможно, среди прохожих находились пособники нападавших. По факту преступления на улице Королева возбуждено уголовное дело. Ведется следствие... — Оператор еще раз прошелся видеокамерой по углу пятиэтажного серого дома, небольшому одноэтажному кафе, задержался на узком тесном проходе между двумя зданиями, затем показал противоположную сторону улицы, зарешеченный, отделанный мраморной крошкой пункт обмена валюты, лежавшие неподалеку от него в лужах крови тела и надолго взял крупным планом переднюю часть белого «Volkswagen» с разбитым ветровым стеклом, с застывшими в неестественных позах на сиденьях двумя трупами.

Зрелище, надо сказать, не для завтракающего человека. Я взял пульт дистанционного управления, переключил на телевизоре программу и снова положил пульт на журнальный столик. Показывали видеоклип очередной женской поп-группы. Признаться, мелькание на экране женских грудей и, извините, задниц тоже аппетит не повышает. Но все же предпочтительнее лицезреть во время трапезы живые части человеческого тела, нежели мертвые. И я стал намазывать на хлеб масло. Едва я откусил от бутерброда, как зазвонил телефон. Аппарат у меня допотопный, еще советский, с мощным звонком, от которого я каждый раз вздрагиваю, но вот заменить телефон никак не могу. Ностальгия по совку. Шучу, конечно. Недосуг просто. Да и, честно говоря, вообще сейчас стационарный телефон и не нужен. Все уж давно мобильниками пользуются, а по городскому если звонят, то рекламируют всякую ерунду.

Тем не менее, я снял трубку.

— Алло?

Однако ошибся, звонила моя приятельница Вера. У нее приятный нежный голосок избалованной принцессы из сказки, однако сегодня моя приятельница криклива, шумна, как ворона, вспугнутая с мусорной кучи.

— Игорь, это ты?! — срывающимся

взволнованным голосом воскликнула Вера. — Игорь!

Спрашивает, будто кроме меня в моей холостяцкой квартире еще кто-то может ответить моим голосом. Я прожевал кусок, сделал глоток кофе и голосом робота ответил:

— Вы набрали номер квартиры Игоря Гладышева. Он у телефона. Представьтесь, пожалуйста.

— Да хватит прикалываться-то! — обиженно произнесла Вера и снова закудаhtала: — Мне не до шуток, Игорь! У меня беда!

Верка — разведенка. Я частенько оказываю ей посильную мужскую помощь, в смысле выступаю в качестве тягловой силы, когда необходимо что-либо передвинуть в ее квартире или, — спустить во двор тяжелый предмет, а также провожу у нее дома кое-какой мелкий ремонт бытовой техники, мебели и водопроводных кранов. По части забивания гвоздей и сверления отверстий в стене я тоже мастер. Вот и сейчас я решил, что потребовался моей приятельнице для решения сугубо бытовых вопросов.

— Кран потек? — предположил я тоном человека, для которого протекание крана не является трагедией. — В прошлый раз, когда я к тебе домой заходил, видел, на кухне смеситель

капает. Там на кран-буксе прокладку заменить нужно.

— Да какая, к черту, прокладка! — отмахнулась Вера. — У меня проблема посерьезней. Можешь ко мне зайти?

Я хлебнул еще кофе и с готовностью ответил: — Разумеется. Жди! — и положил трубку.

Жены, как я уже упоминал, у меня нет, домработницы не имею — не из богатых я, — так что обхожусь без хозяйской женской руки в доме, а потому всю домашнюю работу выполняю сам. Я убрал со стола, сполоснул в кухне тарелки и чашку, оделся и вышел из квартиры. На лестничной площадке столкнулся с соседом Борькой. Мы поздоровались с ним за руку, перекинулись парой фраз и вместе в лифте спустились на первый этаж.

На дворе стоял октябрь, было пасмурно, по утрам и вечерами уже чувствовалось дыхание осени, и иной раз налетевший ветер гнал по земле опавшие листья.

Я расстался с Борькой, махнул ему на прощание рукой и двинулся по тротуару вдоль дома. Навстречу мне в ярко-красных спортивных штанах, ботах и ядовито-зеленой кофте крупной вязки шествовала хозяйка двадцать второй квартиры Лидия Ивановна. Противная старуха шагу никому не дает ступить, чтобы не прицепиться с дурацкими вопросами, язык почесать. Обычно я

стараюсь обходить ее стороной, но вот сегодня попался.

— Здравствуйте, Игорь Степанович! — сладко пропела бабка.

Я скроил на лице выражение ужасно озабоченного человека и пробормотал:

— Здравствуйте, Лидия Ивановна. Извините, очень спешу! — и попытался проскочить мимо. Но не тут-то было. Старуха наглухо блокировала проход.

— Я займу у вас только одну минуточку! — прошамкала она и перешла на доверительный тон. — Вы знаете, Игорь, в нашем подъезде вечерами собирается компания подростков.

— Что вы говорите?! — ахнул я. — Но на то они и подростки, чтобы собираться в подъездах.

Лидия Ивановна всплеснула сухими, с пергаментной кожей, руками.

— Но они же пьют, ругаются и, мне кажется, употребляют наркотики. Вы бы повлияли на них, Игорь Степанович.

Выдумывает, как всегда, старуха. Я с недоверием посмотрел на бабку.

— Вы склонны к преувеличениям, Лидия Ивановна. Я прекрасно знаю ребят, облюбовавших ваш подъезд. Все они из нашего двора. Насколько мне известно, они не пьют, а уж тем более не употребляют наркотики. А насчет того, чтобы

ругаться... Что ж, все мы не безгрешны.

Я снова попытался обойти старуху, но она стояла намертво.

— Но они же шумят, Игорь! — тараща белесые глаза, воскликнула она. — Мешают отдыхать мне и моему мужу. Я несколько раз прогоняла их, но они все время возвращаются именно в наш подъезд.

Проскочить мимо Лидии Ивановны не было никакой возможности, поэтому я пошел на уловку, которых у меня против злокозненной старухи великое множество, в том числе и эпатажных.

— А вы на них из своего окошка водичкой полейте и желательно погорячее. — Я заговорщицки подмигнул: — Только никому не говорите, что я вас надоумил, иначе меня за подстрекательство посадят в тюрьму заодно с вами.

У Лидии Ивановны отвалилась челюсть, а я, воспользовавшись моментом, протиснулся между окаменевшей старухой и живой изгородью к подъезду. Однако зловредная старуха привыкла, чтобы последнее слово оставалось за ней.

— А вы позавчера выпивши домой пришли и с девицей! — крикнула она мне в спину. — Не солидно, Игорь Степанович, в вашем возрасте и с вашим положением в своей квартире бордель устраивать!

Вот язва! Уже из глубины подъезда я ответил:

— Ладно, Лидия Ивановна, один ноль в вашу пользу!

Кабина лифта находилась на первом этаже. Двери мгновенно открылись, едва я прикоснулся к кнопке вызова. Я вошел в тесную кабинку — не пыхтеть же на шестой этаж по лестнице. Трудяга лифт, натужно скрипя, потащил мою персону ввысь.

С Ягодкиной Верой я знаком давно — с тех самых пор, как еще пацаном переехал в наш дом. Сблизились позже, после моей женитьбы. Моя бывшая супруга Инна подружилась с Ягодкиной, ну и я заодно. Потом мне на работе выделили квартиру, я с женой и сыном переехал в нее, и наша с Верой дружба сошла на нет. После развода я вернулся в родные пенаты, и мы с соседкой возобновили приятельские отношения. Ей-богу, связывает нас только дружба, дальше — «ни-ни», хотя «да-да», я думаю, Вера была бы не против, да я не хочу. Есть на то свои причины. Во-первых, Верка старше меня на четыре года, а я в последнее время на таких «старух» не заглядываюсь, больше внимания на их дочек обращаю. Во-вторых, мне не нравятся женщины с такими габаритами, как у Веры. В-третьих... нет, нехорошо за глаза обсуждать недостатки женщин, хотя в глаза тоже неприлично. В общем, я мужчина видный, высокий, плечистый, считаю, что заслуживаю лучшей

партии, чем Ягодкина.

На шестом этаже дверь в квартиру восемнадцать была приоткрыта. Меня с нетерпением ждали, и, как только я вошел, в дальнем конце коридора в дверях, ведущих в кухню, возникла хозяйка.

Вера тоже женщина видная — за два километра из винтовки без оптического прицела запросто попасть можно — вес сто десять килограммов, рост метр шестьдесят пять, размер бюста пятый, ширина плеч семьдесят сантиметров, бедер — столько же, и между ними никакого намека на талию. Лицо, надо отдать должное, приятное — круглое, с ямочками на щеках, с большими серыми глазами. С ушами, правда, проблема — оттопырены немного, а потому Ягодкина всегда носит удлиненную прическу, маскирующую уши.

— Здравствуй, Игорек, — траурным тоном изрекла Вера.

— Что стряслось? — с ходу поинтересовался я, прикрывая за собой двери.

— У меня дочка пропала! — огорошила меня Вера, и из ее глаз выкатились две слезинки, которые она тут же промокнула кончиком кружевного платочка.

— Э-элка!?! — задал я глупый вопрос, хотя отлично знал, что у моей приятельницы, кроме

Элеоноры, других детей нет.

Я сделал участливое лицо.

— Как это случилось?

Вера шмыгнула носом.

— Вчера ушла на дискотеку и до сих пор не вернулась.

У меня отлегло от сердца. Девушке почти двадцать лет, пошла на дискотеку и до сих пор не вернулась. С кем не бывает.

— Заявится еще, — уверенным голосом сказал я. — Ты ее подругам звонила?

— Конечно, звонила, — загробным голосом отозвалась Вера. — Нет ее нигде. Да ты проходи.

Вслед за Ягодкиной я направился в кухню.

Вера не из бедных. Она работает менеджером в модном ресторане. Я не хочу сказать, что она ворует у себя на работе или занимается темными делами, но местечко, видать, теплое, раз приносит ей солидный доход. Да и бывший муж Ягодкиной, ныне живущий в Германии, подкидывает ей евро на содержание дочери. В общем, Вера живет на широкую ногу. Ее шикарный холодильник всегда забит деликатесами, а дом полон всяких штучек-дрючек, позволяющих жить в комфорте и особо не напрягаться, выполняя домашнюю работу.

Я был не единственный гость у Веры. В кухне за столовым уголком (который, между прочим, я собирал), сидела Света Великороднова, соседка

Веры по лестничной площадке. Светка ничем не примечательна — худющая, угловатая, с плоской грудью, длинным лицом, маленькими глазами, вокруг которых на увядающей коже обозначились темные круги. Прическа странная. Вокруг головы волосы выстрижены, а на макушке и темени топорщатся, будто соцветия кочана цветной капусты. Впрочем, есть у Светки одно достоинство — это зад. Он у нее идеальной формы, и Великороднова постоянно боится поправиться на эту часть тела или похудеть. Признаться, я бы никогда не обратил внимания на эту особенность Светкиной фигуры, если бы мне о ней по большому секрету Вера не сказала.

По обыкновению полных людей, Вера была медлительна, ленива, любила посидеть. Она тут же опустила на табурет и прикурила сигарету. Судя по большому количеству окурков в пепельнице, Ягодкина курила не переставая. Я сел напротив и потребовал:

— Давай, выкладывай все по порядку!

Теребя в одной руке платочек, а в другой — вертя сигарету, Ягодкина поведала:

— Вчера, в воскресенье, Элла сказала, что пойдет с подружкой на дискотеку в Дом культуры. Ну, знаешь, в тот, что в нашем районе расположен, рядом с ламповым заводом. Ушла часа в три, обещала вернуться к одиннадцати. Я прождала ее

до полуночи, потом позвонила Ольге. Та удивилась, сказала, что ни на какую дискотеку они с Эллочкой идти не договаривались, и, вообще, она ее весь день не видела и даже по телефону не разговаривала. Я прождала всю ночь, а утром помчалась в институт, думала, может, там Элла к первой паре появится. Но она на занятия не пришла.

— И ты бог весть что подумала! Ты, Ягодкина, паникерша, трясешься над своей дочкой сверх меры. Познакомилась, скорее всего, девчонка с новым бойфрендом и осела у кого-нибудь в квартире. — Я двумя пальцами потрепал Веру за пухлую щечку. — А ты забыла, как в ее годы с парнями шлялась? Небось сама не раз с любимым в стогу ночевала. Потребности физиологии. Сейчас, скорее всего, твоя Элла распрощалась с молодым человеком и не торопясь с повинной едет домой. Тебе самой, в узком семейном кругу, нужно будет разобраться с девушкой, а ты соседей собрала, хочешь дочь опозорить.

Я намеренно грубо разговаривал с Ягодкиной, задевал ее материнские чувства, чтобы растормошить подругу, вывести из состояния депрессии. Удалось. Вера вспыхнула и нервно потушила сигарету.

— Что ты городишь, Игорь! — воскликнула она раздраженно. — Какие к черту физиологические потребности! Эллочка еще

ребенок. Она домашняя девочка. За ней подобных грехов не водилось.

Я усмехнулся про себя: «Домашняя! Видела бы ты, как эту домашнюю девочку вот уж лет пять как в моем подъезде по вечерам парни тискают. И дымит как паровоз, есть с кого пример брать». Но большинство родителей склонны смотреть на своих детей сквозь розовые очки.

— Все когда-то случается в первый раз, — заметил я философски. — Загуляла Элка и не пришла домой ночевать.

— Я ей то же самое говорю, — подала из угла голос Света. Говорила она глухо, будто в трубу с раструбом на конце. — Ничего страшного не произошло. Заявится Элка к обеду, и все дела.

— Вот видишь, что тебе умная соседка говорит, — успокаивая Веру, я погладил ее по плечу. — Все будет хорошо.

Но Ягодкина продолжала паниковать.

— Я опасюсь, что с ней случилось худшее, — простонала она. — Мне черт-те что мерещится.

— О-о! — прогудела Света. — Что же ты ее раньше времени хоронишь-то? Если б я каждый раз, как ты, переживала бы, когда мой старший сын домой не приходит ночевать, давно облысела бы.

Великороднова глуповата и иной раз употребляет не те слова, какие следовало бы.

— Ты хочешь сказать «поседела»? — поправил я автоматически.

— Ой, да какая разница! — беспечно махнула Света рукой. — Главное — не паниковать раньше времени. Себе дороже.

— И я о том же говорю, — поддакнул я.

В этот момент открылась входная дверь, и в квартиру кто-то вошел. Ягодкина встрепенулась.

— Это, наверное, Леева Марина, — предположила она и отклонилась, заглядывая в коридор. — Я ей звонила недавно, поделилась бедой, вот она и примчалась. Да ты ее знаешь. Видел у меня пару раз.

Действительно, я знал Марину, познакомились у Веры. Маленькая, щуплая, вертлявая и взбалмошная особа с распущенными пшеничного цвета волосами. Болтушка и пройдоха. А в общем и целом ничего бабенка. Она тоже не замужем и тоже работает в сфере обслуживания, в каком-то кафе вроде бы. На этой почве они, очевидно, и сблизились.

Вначале в кухню ворвался аромат духов, потом впорхнула Марина. Одевалась она броско. Сегодня на ней были красные, в обтяжку, брюки с каким-то ковбойским ремнем, красная с черным, опять-таки в обтяжку, блузка, и на плечах то ли балахон, то ли накидка — супервумен. На милом, слегка потасканном лице с маленьким носом и

губками бантиком — страдальческое выражение.

— Ой, Верочка! — с порога защебетала Марина, чмокнула Ягодкину в щеку и кивнула нам со Светой. — Здрасьте, здрастьте! — В кухне сразу стало шумно. — Лишь бы с Элкой ничего не сделали, все остальное ерунда. Сейчас на белом свете такие дела творятся, просто ужас! — Марина всплеснула руками. — Недавно я слыхала, будто в нашем городе девчонку одну украли, а потом с родителей выкуп требовали. Кошмар какой! Но, к счастью, полиция вмешалась, и тех бандитов поймали. А еще я слышала...

По мере того как Леева говорила, лицо Ягодкиной вытягивалось все больше и больше. Я прикрикнул:

— Цыц! Раскудахталась! Не пугай Ягодкину, без тебя тоскливо! — и подытожил: — В общем, все в сборе, «сходняк» холостяков можно продолжить. Говори, Вера.

Марина, по-видимому, не привыкла к грубостям. Она посмотрела на меня ошарашенно, однако без лишних слов села на уголок. Ягодкина в двух словах пересказала историю об исчезновении дочери и вновь закурила.

— Ой, и всего-то? Домой не пришла ночевать? — с напускнуой бесшабашностью воскликнула Марина и покосилась на меня, сверяясь с моей реакцией. Я одобрительно

кивнул. — Я тоже в девичестве пару раз не приходила домой ночевать. Моя мама, знаешь, как ругалась? А один раз, — Леева хихикнула, — ко мне с подругой в кафе мужики прицепились. Мы с парнями были. Завязалась такая драка! А потом нас всех в полицию забрали. Мы там всю ночь провели. А один раз мою знакомую машина сбила. Она в больницу без сознания попала и... — Марина осеклась, наткнувшись на мой свирепый взгляд и, помолчав, отвлеченно сказала: — А, ерунда все это!

Вера тупо посмотрела на Лееву и снова заныла:

— Ох, чует мое сердце, с Эллочкой случилась беда. Я же, Игорь, тебя не только для того позвала, чтобы жаловаться. Я хочу, чтобы ты организовал поиски Элки.

Я недоуменно пожал плечами:

— Но я же не сыщик, Вера. Тебе, наверное, лучше в полицию обратиться.

— Обращалась уже! — с досадой произнесла Ягодкина. — Там заявление не хотят принимать. Говорят, подождать нужно несколько дней, вдруг дочь объявится. Но я и минуты ждать не могу. Нужно действовать, иначе я сойду с ума.

— Но почему я? — возразил я, впрочем, не очень активно. Я человек покладистый, легко поддаюсь на уговоры.

Вера подумала.

— Ты мужик, спортсмен, толковый парень, — польстила она мне после паузы. — Насколько я знаю, ты недавно попал в переplet, из которого с честью выпутался, проявив сообразительность, смелость и недюжинные умственные способности.

Действительно, несколько месяцев назад я влип в скверную историю. Подставил меня один знакомый, причем так, что я чуть было не загремел до конца своей жизни в места не столь отдаленные. К счастью, выкрутился. Но это другая история.

— ...Кроме того, — продолжала уговаривать меня Ягодкина, — ты работаешь с молодежью, легко сможешь найти с подругами дочери общий язык. Со мной, как с матерью Элочки, они не будут столь откровенны, как с посторонним человеком, тем более таким импозантным мужчиной.

От таких комплиментов любой сломается. В понедельник в спортшколе, где я работаю тренером по вольной борьбе, у меня методический день. Так что сегодня я свободен. Отказаться не могу — Вера на всю оставшуюся жизнь обидеться может. А отношения мне с ней портить нельзя. Ведь не только я ей по хозяйству помогаю, но и она мне: например, варенье сварить (особенно черничное страсть как люблю), или там занавески подшить, проконсультировать в каком-нибудь хозяйственном вопросе. Да и не в моих правилах отказывать в

просьбе человеку, попавшему в беду.

— С чего думаешь начать поиски? — произнес я в ответ на выжидающий взгляд Ягодкиной.

Расценив мои слова как согласие взяться за дело, Вера оживилась:

— Я считаю, с института. Большинство подружек Эллы там учатся. Ольга, с которой Элеонора якобы собиралась идти на дискотеку, тоже ее сокурсница. Утром в институте я с ней не встретилась. Девушка отпросилась с первой пары в поликлинику сходить. Так что ты ее сейчас застанешь. Еще дочь поддерживает дружеские отношения с двумя бывшими одноклассницами. Они здесь неподалеку живут. С ними мне тоже не удалось связаться. Когда я им утром позвонила, девушки уже ушли в институт. Их номера телефонов я тебе дам. — Ягодкина привстала, взяла с холодильника лист бумаги и положила его передо мной на стол. Оказывается, список Элкиных подружек Верой был составлен заранее. Знала ведь, что соглашусь заняться розысками. — И вот еще что, — продолжала говорить Ягодкина. Она снова потянулась к холодильнику и взяла с него кошелек. — За работу я тебе заплачу.

Я ознакомился со списком и, складывая лист бумаги, возразил:

— А мне не нужно платить. Я же альтруист.

— В наше время быть альтруистом глупо, — парировала Ягодкина, выкладывая из кошелька на стол пачку денег. — Сейчас не так уж много способов прилично заработать.

Я покосился на деньги — сумма была солидной, но брать с подруги деньги мне совесть не позволяла.

— Я знаю, — признался я. — Но тем не менее не возьму.

Ягодкина скорчила недовольную мину.

— Но тебе же придется много ездить — в институт, по Элочкиным подружкам, возможно, в полицию... Да мало ли куда! Не будешь же ты раскатывать на общественном транспорте, время терять. Возьмешь такси. А раз так, почему ты должен мотаться по моим делам за свой счет? Я не хочу быть тебе обязанной еще и материально.

Марина Леева выдала улыбку и шутливо изрекла:

— Тоже верно. К вам, мужикам, только в материальную зависимость попади, живо на шею сядете. Так что возьми и с меня откуп! — Она достала из сумочки несколько купюр, присоединила их к купюрам Веры и, перегнувшись через стол, ловко засунула деньги в карман моей рубашки. — Девочкам на мороженое, — нахально подмигнула Леева. — Вдруг Элкиных подружек придется в кафе вести и в непринужденной обстановке из них

сведения выкачивать.

А Света Великороднова денег не дала. Она была жадной и алчной.

— Ты можешь меня к поискам привлечь, — подумав, решила, по-видимому, рассчитаться натурой Великороднова. — Может, пригожусь. Номер моего мобильного ты, наверное, знаешь?

— Конечно.

— В случае чего звони.

Я стал собираться, подозрительно косясь в сторону Светы, она довольно странно себя вела: терлась носком туфли о мою ногу, подмигивала и кивала в сторону входной двери: мол, подожди меня там. Ее знаки выглядели довольно двусмысленно. Я недоумевал: у подружки беда, а она нашла время шуры-муры разводить. Однако Великороднову решил подождать, может быть, у нее благие намерения.

— Будут известия, звони, — провожая до двери, напутствовала меня Вера. — Я останусь дома, начну обзванивать больницы и... — Ягодкина запнулась. — Морги. Если что-нибудь узнаю, я тебе звякну. Ну давай! — Похлопав меня по плечу, Вера вытолкнула меня на лестничную площадку и захлопнула двери.

На улице меня караулила Лидия Ивановна, и я пожалел о том, что не остался поджидать Свету на лестничной площадке. Заметив меня, старуха резко

изменила маршрут своего патрулирования и на всех парах помчалась ко мне.

— Игорь Степанович, вы видите это?! — возмущенно вскричала она, указывая на новенькую красную машину «Ситроен», припаркованную на тротуаре.

— Ну вижу...

Лидия Ивановна воздела руки и воскликнула:

— Нет, вы посмотрите, как она стоит, Игорь! Вы посмотрите, посмотрите!

Я вытянул шею и несколько секунд разглядывал машину, чувствуя себя ущербной личностью, которой не дано увидеть то, что видно каждому.

— Красиво стоит, — буркнул я. — В одну сторону передом, в другую — задом.

Старуха посмотрела на меня как на непроходимого тупицу и наконец снизошла до объяснений.

— Но она же загораживает проезд, Игорь Степанович! — заявила она, тыча узловатым пальцем в сторону «Ситроена». Неужели вы не видите? А что будет, если ко мне вдруг придет машина «Скорой помощи»?

— Ну что будет? — пожал я плечами. — Вас, скорее всего, обнесут на носилках вокруг машины и погрузят в «Скорую помощь» метров на пять дальше, чем следовало бы.

От дальнейшего общения со старухой меня спасли вышедшие из подъезда Света и Марина.

— Я с тобой поеду! — заявила Великороднова, не достаивая противную старуху даже взгляда. Она, как и многие жильцы нашего дома, была не в ладах с хозяйкой двадцать второй квартиры. Света демонстративно подхватила меня под руку и потащила прочь от Лидии Ивановны.

Я был не в восторге от решения Великородновой ехать со мной на поиски Эллы. Меня всегда тяготило общество недалекой Светки, а при данных обстоятельствах она была мне еще и обузой. Я считал, что без Великородновой сумею сделать намного больше.

— А тебе-то зачем ехать? — спросил я Светку.

— Ну-у, это, мало ли зачем. Может, съездить нужно будет куда, или сбегать, или узнать чего... В общем, Вера меня с тобой отправила. Я сегодня выходная, так что можешь мною пользоваться.

— Лучше использовать, — поправил я.

Светка нахмурилась:

— Чего-чего?

— Ничего, — проворчал я. — Ты зачем у Ягодкиной в кухне меня под столом пинала?

— А-а, — слегка смутилась Великороднова. — Сказать тебе кое-чего хотела, да при Вере не решилась, мать все-таки. А дело вот в

чем. Несколько дней назад мы с Мариной случайно встретили Эллу в магазине с мужиком лет тридцати. Они Элеоноре нижнее белье покупали — трусики, бюстик, чулочки там всякие, — нас не заметили. Парень, надо сказать, симпатичный — смуглый такой, хорошо сложенный — качок, одним словом, но Элке не пара. И не только по годам. Элеонора — девушка хрупкая, умная, а он мне показался грубым, наглым и... как бы это выразиться — блатным, что ли. Но, видать, мужик при деньгах. Вера, как я поняла, о нем ничего не знает. Вот я и думаю, может быть, Эллочка с ним где-нибудь мотается? — она вопросительно взглянула на Марину.

— Все может быть, — неопределенно пожав плечами, согласилась Леева. — Показал парень девушке кусочек красивой жизни, она и растаяла.

Похоже, мои прогнозы относительно ночного Элкиного времяпрепровождения подтверждаются. Смуглый, хорошо сложенный, качок — это уже кое-что. Я с благодарностью взглянул на Великороднову.

— Полезная информация, Света. Думаю, она нам пригодится. Что ж, пошли! — Я потянул соседку за рукав.

Мы двинулись было с места, однако Марина нас остановила:

— Если хотите, я вас подброшу до

института, — она указала на красный «Ситроен», возле которой и происходил разговор. — Я за рулем. Свободное время у меня есть.

— Прокати, если нетрудно, — сказал я, показывая всем своим видом, что приятно удивлен, увидев Марину в качестве владельца новенькой машины. — Давно купила?

— Несколько дней назад, салон еще кожей пахнет! — Леева счастливо улыбнулась и нажала на кнопку пульта дистанционного управления. Раздался писк, и замки на дверях автомобиля автоматически открылись.

Автомобиль — символ благополучия. Это аксиома. Если раньше — как говаривала мать одного моего приятеля — в каждой зажиточной семье должен был быть конь, то сейчас — машина. Светка была из голытьбы. Она вздохнула и, подавив в себе чувство зависти, влезла на заднее сиденье «Ситроена». Я уселся рядом с водителем, и наша троица под злобными взглядами Лидии Ивановны выехала со двора.

В ИНСТИТУТЕ

К институту ехали окольными путями по ухабистым дорогам.

— Боюсь центральных, — пояснила Марина и, заметив знак ограничения скорости, резко

сбросила газ.

Управляла Леева автомобилем так, будто у нее была нарушена функция вестибулярного аппарата. Руки и ноги двигались асинхронно, она редко попадала в такт, отчего автомобиль недовольно рычал, двигаясь рывками, то со скоростью черепахи, то — реактивного снаряда. Судорожно сжимая руль в руках, Марина шарахалась от каждой встречной машины, прижимая несчастную «Нексию» к обочине, и, как мне кажется, в особо опасные, на ее взгляд, ситуации на дороге крепко зажмуривалась.

Света ничего необычного в поведении Леевой за рулем не замечала. Разложив подол широкой юбки по всему заднему сиденью, она восседала с достоинством великосветской дамы, которую личный шофер и телохранитель везут на торжественный прием — я же был в шоке, ехал с широко открытыми глазами, готовый в любую секунду, при реальной угрозе моей жизни, открыть дверцу и выпрыгнуть из автомобиля.

К счастью, ничего из ряда вон выходящего с нами не случилось, мы ехали и ехали, и нас даже ни один гаишник не остановил. Наконец добрались до Т-образного перекрестка, свернули направо и, проехав метров пятьдесят, остановились на обочине.

— Ну как я справляюсь с автомобилем? —

спросила меня Марина.

Я все еще находился в состоянии оцепенения и вместо ответа повертел пальцем у виска.

— На месте инструктора я бы тебе шестерки рисовал, лишь бы поменьше находиться с тобой в одном автомобиле, когда ты за рулем. — Я вышел из машины одновременно с Великородновой и сказал ей: — Ты, Светик, пока здесь погуляй, я в институт один схожу.

— Это почему же? — приподняв слегка подкрашенные брови, удивилась Великороднова.

Моя соседка не понимала простых вещей. Если мужчина один, то особы женского пола охотно идут на контакт, когда он обращается к ним с просьбой, и наоборот — мужчины с готовностью оказывают услуги женщинам, особенно молодым и хорошеньким, когда они бывают без сопровождения представителей сильной половины человечества. Очевидно, и те и другие на что-то втайне надеются. Но объяснять все это Светке — время терять. Я ограничился шуткой:

— На стреме будешь стоять. В случае чего подашь знак.

Институт, в котором училась Элеонора, был одним из старых вузов города. Он занимал длиннущее пятиэтажное здание, приличных размеров двор, все это окружал забор с декоративными решетками. Здание было серым,

громадным, с потемневшими от времени оконными рамами и производило мрачноватое впечатление. Шли занятия, и институтский двор с площадкой для построения, автомобильной стоянкой и крохотным сквериком с фонтаном и цветником в центре был пуст. Я прошел по аллее с несколькими скамейками, поднялся по широким стертым от времени ступеням на крыльцо и вошел в темный холл. Мне навстречу со стула поднялся невысокий жилистый парень в синей униформе с небольшой пластиковой табличкой на правом кармане с указанием фамилии и имени ее владельца.

— Ваши документы! — потребовал секьюрити.

Собираясь в институт, я и не подумал о том, что мне потребуется паспорт, однако, похлопав себя по карманам, нащупал удостоверение тренера ДЮСШ, достал его и протянул парню.

— Такой документ сгодится?

Секьюрити раскрыл документ. Я не был похож ни на террориста, ни на бандита, ни на бомжа. Он вернул документ с почтительной полуулыбкой, но тем не менее четко, по-военному, поинтересовался:

— Цель вашего прибытия?

Я сунул удостоверение в карман и подкупающе улыбнулся в ответ.

— Да вот к вам в институт пришел

спортивную секцию организовывать, — принялся я на ходу сочинять байку. — Хочу поговорить со студентами, может, кто заинтересуется борьбой. Можно пройти?

Секьюрити посторонился.

— Пожалуйста.

Я поднялся на второй этаж, который фактически являлся первым, ибо нижний уровень был полуподвальным, отыскал в широком коридоре расписание занятий нужного мне факультета и курса и, сверившись с записями Веры, где, кроме списка подруг Эллы, имелись кое-какие сведения другого рода, отыскал группу Ягодкиной-младшей. Занятия группы РРТ — Радиосвязь, Радиовещание и Телекоммуникации — проходили в триста пятьдесят второй аудитории. Еще по своим студенческим годам я помнил, что обычно в вузах первая цифра в номере аудитории обозначает этаж, поэтому поднялся на третий, отыскал дверь, остановился, прислушался. Шла лекция — преподаватель монотонным голосом рассказывал что-то про антенны. До конца пары оставалось несколько минут, и я стал прохаживаться по коридору. Наконец прозвенел звонок, и из аудитории стали выползать сонные студенты. В Элкиной группе в основном были парни, девушек оказалось лишь две. Одна — миловидная, хорошо одетая — вышла в коридор в сопровождении троих

ребят, о чем-то разговаривая с ними: другая — толстушка в очках, — очевидно, не пользовалась у сокурсников популярностью, а потому появилась без свиты. К этой студентке я и подошел.

— Здравствуйте. Меня зовут Игорь Степанович, — представился я, оттесняя девушку к стене. — Я дядя Элеоноры Ягодкиной. Меня прислала ее мама. Скажите, Элла сегодня так и не появлялась в институте?

На пухлом веснушчатом, со вздернутым носом и маленькими, похожими на две пуговики, глазами лице девушки возникло озабоченное выражение.

— Да-да, мама Эллы приезжала сегодня к началу занятий, говорила, что дочь не вернулась вчера домой с дискотеки. Но нет, в институте она так и не появлялась.

С раздумчивым видом я покачал головой.

— Куда же она могла запропасться? — пробормотал я так, словно разговаривал вслух сам с собой. — А вы не знаете, нет ли у Эллы приятеля, с которым она могла бы... э-э... задержаться?

Девушка кивнула в сторону парня, выделявшегося в компании стоявших у окна ребят высоким ростом, сказала:

— Вообще-то она с Сергеем Позднышевым встречалась. А в чьих еще... э-э... — передразнивая меня, девица закатила глаза, — как это помягче

выразиться... объятиях Элка могла задержаться, я не знаю.

Я усмехнулся — девица, видать, была из веселых — и более внимательно посмотрел на парня. Он был хорош собой — стройный, с тонкой талией, широкими плечами, вьющимися тонкими волосами, мужественным красивым лицом. Но это был не тот человек, которого я искал.

— А нет ли среди знакомых Элеоноры мужчины лет тридцати — крепкого сложения, смуглого? — Я вопросительно взглянул на девицу.

Студентка покрутила головой.

— Не знаю. Я, по правде говоря, с Эллой не дружу. Вы у Ленки спросите, — толстушка указала на стоявшую неподалеку от нас в окружении парней девицу. — Они с ней подруги.

— А вас как зовут? — спохватился я.

Девушка отчего-то стусевалась.

— Мария, — буркнула она.

— Дева? — не удержавшись, ляпнул я.

Толстушка часто-часто закивала.

— Дева, дева, — сказала она ехидно. — Вам-то что?

— Приятно было встретить святую, — улыбнулся я. Маша действительно не числилась в списке Элкиных подруг, и я, заканчивая разговор, напоследок спросил: — Вы, наверное, отличница?

Толстушка поправила сползавшие с

переносицы очки и бойко ответила:

— А что, вид очень умный?

Девушка красавицей не была, но не мог же я оставить ее без комплимента.

— Ну-у, в общем-то, да, — подтвердил я.

Девушка вскинула голову и задорно произнесла:

— Отличница не отличница, а стипендию получаю повышенную!

Я подмигнул студентке:

— А вы завидная невеста, Маша! Умница да еще с повышенной стипендией! Что ж, спасибо за беседу, рад был с вами познакомиться.

Я слегка поклонился и отчалил, но не в сторону Лены, а к кучке ребят, где стоял Сергей. Появление в институте высокого представительного мужчины не осталось незамеченным. Пока я беседовал с Машей, находившаяся в коридоре публика поглядывала на меня с любопытством, очевидно, принимая мою персону за официальное лицо, которое проводит какую-то работу среди студентов, а потому никто из ребят не удивился, когда я вклинился в их тесный круг.

— Здравствуйте, мужчины, — произнес я тоном степенного, заслуживающего уважения человека. — Я бы хотел встретиться с Элеонорой Ягодкиной. Никто не знает, где она?

Я не стал разубеждать пацанов в том, что я не такая уж большая шишка — отвечать на вопросы будут охотнее, — но в то же время не желал поднимать ажиотаж вокруг имени Элки, а потому не говорил напрямую о ее исчезновении.

— Эллы нет сегодня в институте, — откликнулся белобрысый невысокого роста паренек в светлой рубашке и джинсах, стоявший рядом со мной. — Ее мама уже приезжала сегодня в институт, разыскивала ее.

— Собственно говоря, я прибыл по ее просьбе, — заявил я. — Вы не знаете, где Элеонора может быть?

— Нет, — нестройно ответила компания. — С ней что-то случилось?

Я неопределенно пожал плечами.

— Не думаю. Просто мама Ягодкиной беспокоится, куда ее дочь запропастилась... Сергей, можно тебя на пару слов? — обратился я к высокому парню.

Позднышев, не скрывая своего удивления по поводу того, что я назвал его по имени, отклеился от подоконника и произнес:

— Да-да, конечно.

Я направился к свободному пространству у стены, на которой висел стенд с подробным описанием узла какого-то агрегата связи, и остановился.

— Вот что, Серега, — сказал я доверительно, когда Позднышев приблизился. — Элла сегодня не ночевала дома. Вы с ней близкие друзья. Ты не знаешь, у кого она могла заночевать?

Вид у парня стал каким-то отчужденным.

— Без понятия, — произнес он с деланным безразличием. — Мы с Эллой уже не встречаемся. Поссорились недавно.

Нечто подобное я и ожидал услышать. Ягодкина, по-видимому, завела нового хахаля, а прежнему дала отставку.

— Я понимаю, Серега, ты обижен на девушку. Но с Эллой могла стрястись беда. Я просто не хотел говорить об этом при ребятах. И если ты можешь пролить свет на ее местонахождение, я прошу тебя помочь мне.

Взгляд парня смягчился.

— Но я действительно представления не имею, где она может быть, — произнес он с сожалением. — Мы с Эллой не вели разгульную жизнь. Не пропадали дома у ее подруг или моих друзей. Живем мы в разных концах города, так что встречались в институте на лекциях, ну и после занятий иной раз ходили в кино или кафе. Когда вдвоем, когда с сокурсниками. На стипендию особо не разгуляешься.

— А не было ли у Эллы знакомого мужчины, лет под тридцать, крепкого сложения, смуглого,

слегка приклатненного? — спросил я напрямик.

Лицо Позднышева слегка омрачилось. Он помолчал, потом неохотно признался:

— Ну был. В общем-то, из-за него мы с Ягодкиной и рассорились. Я видел его один раз, случайно. Он подъехал на такси к институту, и Ягодкина с ним укатила. С тех пор я к ней не подхожу.

— Гордый, значит, — невольно усмехнулся я. — Может, таким и нужно быть... Еще что-нибудь можешь о том типе рассказать?

— Нет, — невесело отозвался парень. — Он меня не интересует. Вы у подруг Элкиных спросите — у Лены вон или у Ольги...

В этот момент прозвенел звонок. Нужно было успеть переговорить с Леной, и я протянул парню руку.

— Ну пока, Серега, ты не переживай, на твой век девчонок хватит.

— А я и не переживаю, — отвечая на рукопожатие, неожиданно улыбнулся парень. — Мне учиться нужно, а не о девочках думать.

Позднышев явно шутил, я понял это и, слегка дотронувшись до его плеча, одобрительно сказал:

— Тоже верно.

Девицу я перехватил у самой двери в аудиторию.

— Мне нужно с вами переговорить, —

придержав девушку за локоток, сказал я, мягко, но настойчиво увлекая ее в сторонку.

Девушка была тоненькая, прямая, с еще по-детски нежным лицом. Сдержанная, преисполненная чувства собственного достоинства, Лена производила впечатление неглупого, хорошо воспитанного человека.

— Да, я вас слушаю, — вежливо сказала симпатичная студентка.

— Я разыскиваю Ягодкину по просьбе ее мамы. Меня интересует приятель Эллы — крепкого телосложения, смуглый тридцатилетний мужчина. Что вам о нем известно?

Лена слегка отстранилась и изучающе посмотрела на меня. Внешность у меня располагающая, это все признают, но у девушки на этот счет было особое мнение.

— Вы из полиции? — любопытно спросила она с легким оттенком пренебрежения.

— Видать, здорово вам менты досадили, раз вы таким тоном интересуетесь, не к их ли я клану принадлежу, — сказал я шутливо. — Но нет, я частное лицо. Дядя Эллы. Показать удостоверение?

Мой вопрос сбил девушку с толку.

— Какое удостоверение?

— Что я ее дядя, — изрек я с серьезной миной.

Девушка хихикнула:

— Да ладно вам голову морочить!

— Так что ты скажешь насчет нового приятеля Элки?

Она перестала изображать отчужденность и заговорила по-свойски:

— А ничего особенного. Наглый мужик, корчит из себя бог весть что, а сам дурак дураком. Я его сразу раскусила. И бабник, видать. На женщин голодными глазами смотрит. Да Элка ничего этого не замечает. Влюбилась по уши, только о нем и думает, про Серегу уж и не вспоминает. Жаль парня.

Я приободрился. Получены полезные сведения!

— Как его зовут? — поинтересовался я.

— Юра.

— Где его можно найти?

Однако на сей раз ее ответ меня разочаровал.

— Понятия не имею, — передернув узкими плечами, заявила она. — Видела его пару раз, да и то мельком. Мне не нравится компания Юры, поэтому я держусь от него подальше и Элку о нем не расспрашиваю. А вот Ольга помочь вам может. Она с Ягодкиной в последнее время еще больше сблизилась и все секретничает.

— Ольга и есть ваша третья подруга, с которой мама Элеоноры сегодня утром поговорить хотела, да той в институте не оказалось? — на

всякий случай уточнил я.

— Верно, — девушка кивнула и, заметив в конце коридора седовласого упитанного мужчину лет пятидесяти пяти с указкой и журналом, заторопилась. — Извините, вон преподаватель наш идет. Жуть какой строгий дядька. А Ольга сейчас подойти должна. Запаздывает чего-то. Вы ее подождите.

Лена направилась было в аудиторию, но я остановил ее вопросом:

— Как я Ольгу узнаю? Какая она из себя?

Девушка обернулась и звонко рассмеялась.

— Узнаете! Ольгу трудно с кем-либо спутать. Она вся такая!.. — Лена изогнулась, изображая томную жеманную особу и, посмеиваясь, скользнула в аудиторию.

Я стал прохаживаться по коридору. Минут через десять мне надоело метаться в ограниченном пространстве, подобно зверю по клетке, и я, решив, что, раз уж Оля «вся такая» и я запросто смогу узнать ее не только в коридоре, но и за его пределами, направился к выходу.

Погуляв по двору, я вышел за ворота, желая проверить, на месте ли Света. Каково же было мое удивление, когда на улице, кроме Великородновой, я обнаружил Марину. Обе женщины сидели в машине, стоявшей на прежнем месте. Завидев мою персону, Леева вылезла из автомобиля.

— А ты чего здесь делаешь? — изумился я. — Ты же уехать собралась.

Тряхнув распущенными волосами, Марина зашебетала:

— Но не могу же я укатить, не узнав, что тебе удалось выяснить. Ну, признавайся, удалось что-нибудь разведать об Элке?

Вылезла из автомобиля и Света.

— А рассказывать пока нечего, — объявил я. — Никто из опрошенных мной студентов не знает, где Элка. Ее нового знакомого зовут Юра. Где он живет или как его найти, никто представления не имеет. Но сейчас должна подойти подруга Эллы — Ольга. Я надеюсь получить от нее кое-какие сведения.

— Та самая, что в поликлинику пошла? — задала вопрос Леева.

Я кивнул и полез в карман за зазвонившим сотовым телефоном. Нажав на кнопку, приложил мобильник к уху. Это была Вера.

— Есть какие-нибудь новости об Эллочке?

— Нет, но, надеюсь, в скором времени будут, — произнес я с оптимизмом. — Что у тебя?

Вера тяжело вздохнула:

— Тоже безрезультатно. Ни в морги, ни в больницы Элла не поступала.

— Так чем же ты недовольна? — возмутился я. — Радоваться нужно. Ладно, в случае чего

звони! — И в трубке раздались гудки отбоя.

Я сунул мобильник в карман и несколько секунд стоял, раздумывая. Звонок Ягодкиной меня озадачил и обеспокоил. В глубине души я все же считал, что мы зря подняли такую бучу вокруг пропажи Элки — никуда не денется, найдется. И когда раздался звонок, решил, что Вера сейчас сообщит мне о возвращении дочери домой. Увы... Неужели с Элкой и в самом деле стряслась беда?

Ольгу я узнал сразу. Размалеванная, с взлохмаченными мелированными волосами девица в мини-юбке и короткой ветровке, надетой поверх яркой блузки, шкандыбала в туфлях на высоченных каблуках по тротуару вдоль стены дома. Кто решил, что если модно, значит, красиво? Туфли у девицы были с длиннющими, похожими на концы двух огромных пипеток носами, отчего ей приходилось загребать, надо признать, стройными ногами, отставив нижнюю часть тела и выставив верхнюю. Придерживая висевшую на плече замшевую сумочку с бахромой, «вся такая» шла, никого не замечая, а может быть, просто делала вид, что ей все до лампочки, а сама только и ждала, чтобы к ней кто-нибудь приклеился. Во всяком случае, именно такая мысль возникала при взгляде на ее дышащую чувственностью фигуру.

Оставив у машины Марину со Светой, я направился навстречу девице.

— Тебя Олей зовут? — спросил я игриво, решив, что именно таким тоном и следует разговаривать с молодыми секс-бомбами.

Девушка, по-видимому, была готова броситься в объятия любого мужчины, который к ней подойдет, но только не в мои. Интересно, чем я ей не приглянулся?

— Что вам нужно? — спросила она, хлопая сильно накрашенными ресницами, и почему-то крепче прижала к боку сумочку.

На лице девицы был такой слой белил, румян, губной помады и туши, что, казалось, проводи по нему ногтями, и они оставят следы.

— Ты мне так и не ответила, как тебя кличут, — повторил я.

— Ну Оля, — потупилась девушка.

— Значит, ты мне и нужна. Я Элку разыскиваю. Ты не знаешь, где она?

Девица несказанно удивилась:

— А зачем она вам?

— Хочу снять с нее штаны и как следует отшлепать ремнем за то, что дома не ночевала. Я Ягодкиной дядя.

— Пойдите, пойдите, — округлила девушка глаза. — Выходит, Элка как вчера ушла на какую-то там дискотеку, так с тех пор ни дома, ни в институте не появлялась?!

— Ты на редкость сообразительная

девочка, — похвалил я Ольгу и протянул было руку, чтобы потрепать девушку за щечку, но, вовремя вспомнив о толстом слое косметики на ее лице, отдернул руку. — Вот уже почти сутки от Эллы нет ни слуху ни духу.

— Я и не знала, — растерянно пробормотала девушка. — Вчера вечером ее мама звонила мне, спрашивала. Но я и не думала, что Элка не придет домой ночевать.

— Где она может быть?

Ольга развела руками с растопыренными пальцами.

— Кто ж ее знает!

Я почему-то не сомневался в том, что Элла проводит время со смуглым качком, а потому без околичностей спросил:

— А с Юрой она не может быть?

Ольга приподняла брови.

— С каким еще Юрой? — прикинулась она непонимающей.

Я укоризненно покачал головой.

— Будто не знаешь. Тот самый Юра, в которого Элка по уши втрескалась. Колись, девочка, колись! Все хором говорят, что ты в курсе всех амурных дел Ягодкиной.

Девица слегка покраснела.

— Ну, может быть, Элка и с Юрчиком, — призналась она наконец неохотно.

— Где он живет?

— Не знаю. Дома я у него не была, и адрес он никогда не называл. — На сей раз она не врала, взгляд у девицы был правдивый.

Снова неудача! Однако Ольга была единственной ниточкой, которая могла привести меня к Элке, и я перешел на увещательный тон.

— Послушай, девочка, сейчас не тот случай, когда нужно проявлять чувство товарищества, выгораживать подружку. Возможно, твоя лучшая подруга попала в беду и ее необходимо спасти! — Я приложил руку к груди: — Я прошу: если тебе известно, каким образом можно разыскать Юру, подскажи мне. Оказав мне помощь, ты окажешь услугу Элке.

Ольга некоторое время колебалась, прикидывая что-то в уме, и наконец выдала ответ:

— Когда Ягодкина познакомила меня с Юрчиком, он повел нас в кафе. «У Валентина» называется. Так вот, мне показалось, он там завсегда. Во всяком случае, Элкин парень запросто общался с официантками и барменом. И они с ним. Называли его по имени. Возможно, вам удастся узнать подробнее о нем «У Валентина»... Только я вас прошу, — вытянув губы трубочкой, умоляюще заговорила девушка, — если вам удастся застать Элку у Юрчика, не говорите ей, что это я на нее наступала.

Я поднял ладони кверху.

— Клянусь! Где находится этот твой «У Валентина»?

— Двенадцатую горбольницу знаете?

Я понятия не имел, где она находится, однако бросил:

— Дальше!

— Сразу за ней будет поворот налево. Метров через триста с правой стороны дороги будет четырехэтажное здание, а напротив него кафе.

Я несколько секунд раздумывал над тем, не взять ли девицу с собой в качестве провожатой, и решил не брать. Ну ее, пусть учится.

— Ладно, найдем! — махнул я рукой. — И последний вопрос, «такая вся»... Элка спит с Юрчиком?

— А я откуда знаю? — притворяясь дурочкой, невинно захлопала девушка глазками.

Я хитро посмотрел на Элкину подружку и тоном заговорщика сказал:

— Ладно, Ольга, можешь быть со мной откровенной. Я вовсе не дядя Элки, а сосед. О нашем разговоре никто не узнает.

Мое любопытство, очевидно, показалось девице нездоровым.

— Тем более ни к чему вам знать интимные подробности о Ягодкиной, — сказала она.

Я показал девушке два ряда зубов и прикрыл

один глаз.

— Извращенец я. Люблю послушать рассказы о сексуальной жизни знакомых, — произнес я тоном старого развратника, однако, увидев, как вытягивается у Ольги лицо, поспешно сказал: — Дядя шутит. Просто у меня на сей счет своя теория. Видишь ли... Если Элла спит с Юрой, то вполне возможно, что она в любовных утехх провела с ним ночь, и это полбеды. Но если у Ягодкиной платонические отношения с хахалем, в чем я, по правде говоря, сильно сомневаюсь, то я не понимаю, зачем ей, вызывая беспокойство у близкого окружения, торчать у него в квартире почти сутки.

Ольга поняла и с плутоватым видом сообщила:

— Спит, спит, причем не только с Юрой.

— Ты меня успокоила. — Я взял девушку под руку и повел к воротам института. — Извини, что отнял время. А теперь беги, ты и так уже за сегодняшний день половину занятий пропустила.

Прощаясь, Ольга подняла руку и поиграла пальчиками.

Я направился к машине. Подруги ждали моего возвращения с нетерпением. Особые признаки беспокойства выказывала Марина. Она выглядывала из-за сидевшей рядом с ней Светы, пытаясь как следует разглядеть меня. Я не хотел

стать причиной ее косоглазия, а потому, подойдя к «Нексии», склонился над открытой дверцей. Пусть любуется мной во всей красе. Однако как ни жаждала Леева поскорее удовлетворить свое любопытство относительно исхода моих переговоров с Ольгой, она не преминула, посмеиваясь, заметить:

— Ну что, охмурил девку? Видали мы, как ты вокруг нее увивался!

Признаться, я вовсе не считал, будто увивался вокруг Оли, но раз уж женщины считают меня все еще способным охмурить двадцатилетнюю девицу, я разубеждать их в этом не буду. Чертовски приятно сознавать себя неотразимым мужчиной.

— Да, — произнес я самодовольно. — Молодежь от меня балдеет.

— Ой, да ладно тебе, — прогудела, как мне показалось, ревнивым тоном Великороднова. — Кобель старый!

— На кобеля, тем более старого, я обычно обижаюсь, — заявил я с пафосом, — но, поскольку ты моя соседка и мать троих детей, сделаю тебе скидку и на первый раз прощу. — Я склонился еще ниже, чтобы видеть и Марину. — В общем, где живет этот Юра, Ольга не знает. Но девушка сообщила, что узнать кое-что о нем можно в кафе «У Валентина». Он вроде там завсегдатай. — Я легонько толкнул Великороднову. — Давай,

Светик, вытряхивайся из машины, поедем на такси к двенадцатой горбольнице. Кафе в тех краях находится.

Великороднова высунулась было наружу, но Марина остановила подругу.

— Зачем вам на такси ехать? — удивилась Леева. — Я вас подброшу. Раз уж взялись втроем разыскивать Эллочку, доведем дело до конца.

Как ни боялся я ездить с Мариной, искушение быстро и без особых проблем добраться до нужного места было велико.

На всякий случай я расположился на заднем сиденье, подальше от лобового стекла, и Марина завела двигатель.

«У ВАЛЕНТИНА»

«У Валентина» оказалось небольшим кафе, расположенным в частном доме. Недавно выбеленный фасад ничем не выделялся среди двух десятков таких же невзрачных одноэтажных домов.

В кафе решили отправиться втроем. Был полдень, и дамы, так же, как и я, были не прочь перекусить. Едва мы поднялись по ступенькам на крыльцо, из двери нам навстречу вышел высокий стройный парень в белой рубашке с бабочкой, в темных отутюженных брюках и в тон им жилетке. На его интеллигентном, с правильными чертами,

лице застыла заученная улыбка.

— Здравствуйте, господа! — произнес он с легким поклоном. — Мы рады вас приветствовать в кафе «У Валентина». Проходите, пожалуйста! — Парень был вышколен и держался с достоинством лорда, приглашающего высоких гостей посетить фамильный замок.

Он повел нас через сквозной ряд комнат. В первом помещении находилась то ли гардеробная, то ли приемная, а возможно, и то и другое, поскольку в ней стояли несколько вешалок, штук пять кожаных кресел, диван и журнальный столик. Во втором — был, очевидно, офис, ибо там за компьютером сидел солидный плотный дядька, возможно, сам Валентин и раскладывал пасьянс. В третьем — находился бар, за стойкой которого стоял еще один парень, одетый точно так же, как и тот, что нас провожал. Мы вышли в небольшой пустынный дворик, где под навесом стояли несколько столиков.

— Останетесь обедать здесь или вас провести в зал? — приостанавливаясь, поинтересовался парень, и я еще раз подивился его великолепным манерам, умению держать себя. Жаль, у меня нет замка, а то я непременно взял бы его на работу дворецким.

— Проведите в зал, пожалуйста! — подражая парню, я сделал в сторону дверей на другом конце

дворика плавный жест оперного певца.

Парень, очевидно, решил, что я потешаюсь над ним, посмотрел как-то странно, однако ничего не сказал.

Зал, куда мы вошли, миновав двустворчатые, с тонированными стеклами двери, оказался просторной прямоугольной комнатой без окон с двумя десятками крытых красными скатертями столов, бра и крохотной площадкой для музыкантов. На одной из стен висел символ кафе и, по-видимому, его главная достопримечательность — гобелен с изображением двух сердец, пронзенных стрелой, и полукруглой надписью под ними: «У Валентина». Посетителей в этот час было мало — человек семь сидели за тремя столиками в разных концах зала. Трое мужчин, расположившихся у двери, окинули моих дам оценивающими взглядами и, очевидно, решив, что в мире существуют женщины и получше, отвернулись; две смешанные пары и вовсе не обратили на нас внимания.

Дворецкий-лорд, окинув орлиным взглядом зал, выбрал нам столик у стены и усадил за него.

— Сейчас вас обслужит официантка, — объявил он так, будто нас должна была обслужить по меньшей мере принцесса, а то и ее мама, и, щелкнув каблуками до блеска начищенных туфель, удалился.

Из-за рабочего стола в углу поднялась тоненькая длинноногая девушка с высокой прической и направилась к нам. На ней была узкая, сантиметров в пятнадцать полоска темной материи вместо юбки, белая нарядная блузка с рукавами-фонариками, жилетка и изящные на шпильке туфельки с туго охватывающими лодыжки ремешками. Ну, принцесса не принцесса, а девица что надо. С приветливой улыбкой на пухлых чувственных губах официантка подала нам меню и застыла в ожидании заказа. Посоветовавшись, мы выбрали мясо по-французски, салаты, напитки, сто пятьдесят граммов водки для меня и Светы, ибо Марине, как водителю, спиртное не полагалось. Официантка черкнула несколько слов в блокнот, повернулась и направилась к расположенному в конце зала служебному входу. Я проводил ее долгим взглядом. Если я еще когда-нибудь приду к Валентину, то только ради того, чтобы полюбоваться, как ходит эта девушка. Шествовала она идеально ровно, будто шла по натянутому канату, грациозно ставя ногу и делая узкими бедрами такие движения, что мне захотелось, бросив дам, прогуляться до кухни и обратно, лишь бы не упускать из виду эти восхитительно виляющие части тела.

Проследив мой взгляд, Великороднова заметила:

— Не идет, а пишет. У нас в ресторане, если бы я такие кренделя выписывала, живо с работы бы выгнали.

Вскоре дверь служебного входа открылась, и в нашу сторону направилась своей великолепной поступью официантка, держа в руках поднос с долгожданным заказом.

Официантка составила с подноса на стол салаты, фужеры, напитки и снова ушла, на сей раз за горячим. Пока она ходила, мы со Светой понемногу выпили и закусили. Когда девушка вновь появилась и стала расставлять перед нами большие тарелки с заказанным блюдом, я наконец-то задал ей тот самый вопрос, ради которого мы и пришли в кафе.

— Скажите, девушка, — я слегка отклонился, чтобы не мешать официантке работать. — Юра будет сегодня у вас в кафе?

Официантка удивленно выгнула свои безукоризненно ухоженные, слегка подкрашенные брови.

— Какой Юра?

— Крепкий такой, широкоплечий мужчина лет тридцати. Женщины считают его симпатичным... — Поскольку официантка, неопределенно пожав плечами, промолчала, продолжил: — Видите ли, девушка, я проездом в вашем городе, сегодня вечером уезжаю. Мы с

Юрой давние приятели, и я очень хотел бы с ним увидеться. Мои знакомые сказали, что я могу встретить Юру «У Валентина». Ради этого я и пришел в ваше кафе.

— Вы, наверное, говорите о Юре Чаке? — сказала она, убирая со стола поднос. — Его все здесь так называют. Но я бы не сказала, что Юрчик здесь часто бывает, и не уверена, придет ли он к нам сегодня.

— А где живет Чак, вы, конечно, не знаете? — поинтересовался я без какой-либо надежды на положительный ответ.

Как в воду глядел.

— Нет, — сказала официантка, однако, поразмыслив, заявила: — Но вы можете спросить у бармена Славика. Мне кажется, они с Юрой близко знакомы.

Я приятно улыбнулся девушке:

— Спасибо! — А когда она отошла, вполголоса сказал Свете и Марине: — Ну вот, медленно, но верно мы идем к намеченной цели.

— Ну ты прямо дипломант! — с восхищением, которое можно было бы принять за издевательство, сказала Великороднова. — Бабам с тобой, наверное, приятно иметь дело.

— Дипломат, Света, — поправил я автоматически. — А бабам со мной действительно бывает очень приятно.

От выпитой рюмки Великороднова была чуть-чуть навеселе и, по-видимому, именно в этом состоянии у нее обострялось чувство самолюбия.

— Чего ты меня все время поправляешь! — выбросив руки вверх и в стороны, воскликнула она. — Чего ты из меня дурочку делаешь?!

Я вышел из зала. Дворик уже не был безлюдным. За одним из столов сидела компания молодых людей, потягивая коктейли и соки. Я обогнул облюбованный молодежью столик, вошел в бар и окинул его беглым взглядом. Мини-бар в сравнительно небольшой комнате был устроен по всем правилам — стояли три столика; у стойки возвышались несколько мягких круглых сидений на высокой ножке; по другую сторону стойки, отражаясь в зеркалах, стояла на стеклянных полках батарея бутылок со всевозможными спиртными и прохладительными напитками, а также были расставлены пакеты с соками. Громко играла музыка. Раздававшиеся из двух небольших колонок звуки были ритмичными и могли заставить пуститься в пляс любого. Бармен, узкоплечий молодой человек, находился на рабочем месте. Он стоял ко мне спиной и, пританцовывая, колдовал над одной из бутылок. Моего появления он не заметил. Я взгромоздился на высоченное сиденье и постучал монеткой о стойку. Парень обернулся и, оставив свое занятие, подошел ко мне.

— Здравствуйте, я вас слушаю, — опираясь руками на полку, расположенную ниже стойки, сказал он. Молодому человеку едва перевалило за двадцать лет. У него было узкое худощавое лицо, все в каких-то бубонах, которых особенно много было ближе к шее.

— Сто граммов водки и стакан апельсинового сока, — попросил я, выкладывая купюру.

Парень поставил на стойку рюмку водки и высокий стакан с желтоватого цвета напитком.

Я отхлебнул сока и спросил:

— Слышь, парень, Чак сегодня не появлялся?

Бармен приподнял одну бровь и вытянул губы трубочкой, изображая работу мысли.

— А-а, Горчаков... Нет, не видел, — сказал он и стал полотенцем протирать стакан.

— А не знаешь, вечером он заглянет в кафе?

Бармен дунул на стакан, потер его и глянул на меня сквозь стекло:

— Может, и заглянет, кто его знает. Вообще-то в последнее время Юрчик у нас редко бывает.

Я поморщился, выражая таким образом недовольство громко звучащей музыкой.

— А ты не знаешь, где живет Чак?

Бармен убавил звук оравшего проигрывающего устройства и покачал головой:

— Нет.

Выражение лица парня было безучастным, однако я чувствовал: врет он — и, решив зайти с другого боку, заявил:

— Слышь, парень, я проездом в вашем городе. Вечером уезжаю. Мне очень нужно встретиться с Юрчиком. Может быть, все-таки вспомнишь адресок?

Пройдоха бармен тоже понял, что я обманываю его, и стал торговаться.

— Между прочим, Чак — мужик крутой, — сказал он и хитро прищурился. — Вдруг вы для него нежелательный гость. Я вам скажу, где он живет, а меня потом к ответу призовут, а то и... — парень сделал красноречивый жест у горла.

Я усмехнулся и полез в карман рубашки.

— А мы не будем ему говорить, что это ты адресок подсказал. — Я выложил на стойку бара очередную купюру. — Чак ничего и не узнает.

Бармен глянул по сторонам и тряпкой смахнул купюру со стойки к себе на стол.

— Чак неподалеку от меня живет, — произнес он негромко. — Улица Севастопольская, дом шесть, квартира семнадцать, кажется.

— Семнадцать или кажется? — За информацию я заплатил, а потому имел полное право требовать точных данных.

— Так... — сжимая губы, стал вспоминать парень. — Живет он в крайнем подъезде справа, на

втором этаже, дверь прямо. Этого достаточно?

Я кивнул:

— Достаточно! — Я одним махом осушил рюмку и стал слезать с высокого сиденья.

— Но вы все-таки не говорите Чаку, что адресок его я вам дал, — сказал мне на прощание бармен.

Вместо ответа я поднял вверх руки, что означало: «О чем разговор, друг!» — и переступил порог бара.

НАХОДКА

Чак жил не в самом лучшем районе нашего города. Небольшой двухэтажный дом хрущевской постройки стоял вдоль дороги на пригорке торцом к крохотному мусульманскому кладбищу. Напротив дома через дорогу располагалась облицованная керамической плиткой мечеть. Святые места. За домом находился пустырь, ниже него раскинулись дома частного сектора.

К Чаку я решил отправиться один, дабы шумной процессией не пугать и не смущать Элку, ежели та все еще находится в объятиях возлюбленного. Оставив женщин в машине на площадке у ворот дома отдыха, расположенного вдоль все той же дороги, я стал подниматься в горку к дому, который, по всей видимости,

находился в ведомстве дома отдыха и в котором, скорее всего, жили его сотрудники.

Огороженный со стороны дороги декоративным забором, а со стороны кладбища и пустыря — железной сеткой, двор дома с пыльными, уже утратившими часть листвы деревьями, высокой высохшей травой и сушившимся в чьем-то огороде застиранным бельем имел унылый неухоженный вид.

Фасад дома располагался со стороны пустыря. Я прошел по асфальтированной дорожке за дом, вошел в крайний подъезд. Широкая крутая лестница с одним-единственным маршем вела на второй этаж и упиралась прямехонько в квартиру семнадцать. Если бармен мне не соврал, то Чак должен жить именно в ней. Я легко взбежал по ступенькам на площадку, нажал на кнопку звонка, но он не работал. Тогда я деликатно костяшкой пальца постучал в обшарпанную, очень давно крашенную в голубой цвет деревянную дверь и прислушался. Из глубины квартиры не раздавалось ни звука. Если в ней и находились люди, то они сидели тихо, как мышки, и, по-видимому, не собирались никому открывать. Отбросив церемонии, я с силой несколько раз подряд грохнул по двери кулаком.

Неожиданно раздался щелчок открываемого замка, загремела сброшенная с двери цепочка и

дверь раскрылась, но не с цифрой семнадцать, а соседняя, в восемнадцатую квартиру, и на лестничную площадку высунулась одетая в темно-синее в мелкий цветочек платье маленькая сухонькая старушка со сморщенным злым лицом. Лет старой ведьме было за семьдесят, но яду — как у молоденькой змеи.

— И ходют, и ходют и стукуют, стукуют цельный день и ночь, людям спать не дают дармоеды проклятые! — на одной высокой ноте выпалила старуха, гневно сверкая голубыми выцветшими от времени глазами и потрясая кулаком. — Покоя от вас нет, ироды, все нервы людям вымотали гульбой, беспутством и хулиганством. Я вот в полицию пожалуюсь, как вы здесь безобразничаете, всех вас в тюрьму посадят! И сколько можно над людьми измываться...

Я отступил к лестнице и воскликнул:

— Да что ты, мать, несешь-то? Зачем на честных людей поклеп возводишь? Я впервые сюда пришел и постучал в эту дверь!..

— Головой бы лучше в нее постучал! — вновь заголосила старуха. — Ходите здесь сутками, целыми толпами и стучите и стучите, звонок не можете отремонтировать. Откуда же я знаю, приходил ты раньше или нет, все вы, бандюги, на одну рожу!

Я предпочел пропустить мимо ушей

оскорбления старухи, ибо рассчитывал у нее кое-что узнать.

— Ладно, мать, извини меня. А скажи мне, бабушка добрая, не был ли молодец Юрий вчера вечером с девицей красною у себя в хороммах?

Старуха слегка оттаяла. Выставив острый подбородок, она покачала головой и более-менее по-человечески сообщила:

— Знать не знаю, хлопец. Врать не буду, не видала я ни вчера, ни сегодня ни Юрку, ни потаскуху с ним. А приходил давеча парень один, стучал, — пробормотала она. — Я и не выходила ругаться, а только в глазок дверной глянула. Стукнул он пару раз и ушел. Парень-то этот здесь частенько в последнее время бывает.

Старая bestия осторожно прикрыла дверь, а я, постояв немного на площадке, шагнул к двери напротив. Звонок работал. Мелодичная трель раздалась по ту сторону двери, когда я нажал на кнопку, но и в этой квартире, так же, как в соседней, было тихо, словно в склепе. Я потоптался у двери, еще разок на всякий случай звякнул и стал спускаться по лестнице. Когда сошел с последней ступеньки, дверь, в которую я только что звонил, внезапно растворилась и в подъезд выглянула растрепанная русоволосая с проседью женщина лет пятидесяти пяти с испытанным заспанным лицом.

— Тебе чего, парень? — спросила она

негромко.

Я уже давно не парень, в смысле немолодой, однако женщина была лет на двадцать старше меня и имела полное право так называть мою персону.

— Мне сосед ваш Юра нужен, — задрал голову, я развернулся к хозяйке шестнадцатой квартиры. — Вы не видели его?

Женщина посмотрела на меня изучающе и зевнула.

— А ты кто такой-то?

Что ж ей биографию свою рассказывать? Я пожал плечами:

— Так, хороший человек. Игорем меня зовут. А вас как?

— Зоя, — машинально ответила женщина и тут же поправилась: — Зоя Федоровна Камышова.

Умею я все же располагать к себе людей. Я раскланялся.

— Очень приятно, Зоя Федоровна. Ну так видели вы Юру или нет?

— Сегодня не видела.

Камышова шире открыла дверь, вышла из квартиры, и... я тут же опустил глаза. Зоя Федоровна была одета довольно странно — в старенькую кофточку с карманами, шлепанцы... и трусы. Да-да, самые обыкновенные женские трусы. Разумеется, не в миниатюрные кружевные, в которых снимаются кинозвезды в эротических

сценах, а в простые добротные трусы белого цвета. Видать, в этом подъезде одни чудики живут.

— А вчера? — произнес я еле слышно.

— Довелось!

Разговаривать, не поднимая глаз, глупо, конечно. Я не красная девица, в конце концов. Я вскинул голову и, глядя прямо в лицо Зое Федоровне, признался:

— Мне вообще-то не Юра нужен. Я девушку ищу, Элеонору. Она моя племянница. Этой ночью дома вот не ночевала. Вы не видали ее вчера с Юрой?

Как я ни старался игнорировать экстравагантный наряд Камышовой, ее нижняя половина тела настойчиво лезла в глаза. Нет, наслаждения от созерцания ног Зои Федоровны я не получал: напротив, дряблые, с обвисшей кожей на внутренней стороне бедер и ямками на внешней, они являли собой неприглядное зрелище. В жизни не попадал в более неловкую ситуацию.

— Была с ним какая-то девица. — Зоя Федоровна положила ладони на перила, огораживающие лестничную площадку второго этажа, и скрестила ноги, приняв позу Джульетты, разговаривающей со стоящим под балконом Ромео. — Худенькая такая, лет двадцати, высокая, с рыжеватыми волосами.

— Точно, Элка! — вырвался у меня из груди

вздых облегчения. Прав, значит, я оказался. Девчонка с Чаком где-то шляется.

— Я вчера вечером за хлебом пошла, — продолжала Камышова. — Спускаюсь по лестнице, а Юра и девицей эта как раз поднимались. Веселые такие, с бутылкой вина и сумка какая-то у Юрки на плече висела. Вечером шумно у него в квартире было. Его комната через стенку от моей спальни. Музыка громко играла, а потом все стихло. Больше ни Юру, ни девицу я не видела.

— Зоя Федоровна, — я секунду подумал, прежде чем сформулировать свою просьбу. — Видите ли, Элеонора связалась с Юрой. Я и мама девушки ужасно беспокоимся за ее будущее. Скажите, пожалуйста, что за человек этот Юра?

Зоя Федоровна похлопала по карманам кофты, достала пачку папирос, спички и не спеша закурила.

— Да что вам рассказать-то, — произнесла она раздумчиво и снова оперлась о перила, на этот раз локтями. — Юрка из неблагополучной семьи — отца он не знает, мать — пьяница, так что воспитывала его бабка. После смерти бабки смотреть за парнем стало некому. Залез с ребятами к кому-то домой, получил свой первый срок. Пока сидел, мать совсем спилась и умерла под забором. Вернулся Юрка в пустую квартиру. Поработал немного шофером, потом на фирме какой-то, а

потом с друзьями эту фирму и обворовал. Снова сел. А вот несколько месяцев назад вышел, вроде остепенился. Уж не знаю, где работает, но только при деньгах он нынче. Хорошо одевается, вволю ест и пьет. Вот такой он, наш Юрчик, — выпустив в потолок струю дыма, заключила Камышова.

Я с невеселым видом покачал головой:

— Да-а, богатая у вашего соседа биография. Хорошего приятеля наша Элка себе отхватила. Если мать ее узнает, будет в шоке.

— Какой есть, — хмыкнула Зоя Федоровна.

В этот момент за моей спиной раздались шаги, и в подъезд вошел высокий худощавый мужчина в кепке, в стареньких брючках и ветхом пиджачишке. Он был примерно одних лет с Камышовой, с таким же испитым, как у Зои Федоровны, лицом. Увидев Камышову, он остолбенел и уставился на нее вытаращенными глазами.

— Ты что, Зойка, совсем рехнулась? — мужик наконец захлопнул челюсть с прилипшей к нижней губе папироской. — Шастаешь по подъезду в трусах да еще в таком виде с мужиком лясы точишь?

Слова мужчины, который, очевидно, доводился Зое Федоровне мужем или сожителем, были для нее громом среди ясного неба. Затаив дыхание, она очень медленно опустила голову, глянула на нижнюю половину своего тела и

обомлела.

— Из-вини, Вася! — сказала она заплетающимся языком. — Я, кажется, з-забыла спросонья юбку надеть. — Запоздало взвизгнув, Камышова вильнула задом и юркнула в квартиру.

Я вышел на улицу. Обогнул дом и побрел вдоль его торца. Я понятия не имел, что мне дальше делать, где искать Элку, да и стоит ли вообще искать ее. Ясно, девчонка дорвалась до разгульной жизни, таскается с Чаком по злачным местам. Я остановился на углу дома, на пересечении асфальтовых дорожек, как рыцарь на распутье. Наверное, нужно позвонить Вере, сообщить ей о дочке и ее поведении. Пусть сама решает, как теперь быть: искать дальше Элку или ждать возвращения блудной дочери домой?

Я задрал голову, взглянул на блекло-голубое небо, потом перевел взгляд на дом. С тыльной стороны его вдоль второго этажа были расположены три балкона. Пораскинув мозгами, пришел к выводу, что боковые квартиры в подъездах имеют лоджии, которые выходят на лицевую сторону дома, а квартиры, чьи двери находятся в подъездах прямо, лоджий не имеют, а только балконы, причем лишь в квартирах, расположенных на вторых этажах. Следовательно, балкон, под которым я стоял, принадлежит Чаку. Небольшая, огороженная перилами площадка,

примерно метр на два, была завалена какими-то дощечками, железками, бутылками и прочим хламом. Дверь в квартиру была приоткрыта. И тут мне в голову пришла странная идея. Несколько секунд я раздумывал, потом посмотрел по сторонам. С этой стороны дома было тихо и безлюдно. Неподалеку от балкона, закрывая его, росло дерево, еще дальше, у декоративного забора, — топольки. Так что со стороны дороги, если кто-нибудь будет проходить по тротуару, меня не увидит. Опасности быть замеченным со стороны пустынного кладбища — тоже никакой.

Признаться, я сам не ожидал от себя такой прыти. Нога сама встала на цокоть, оттолкнулась. Я взлетел, схватился руками за перила и завис. Как я уже упоминал, я спортсмен и в свои тридцать пять — в отличной спортивной форме, так что пара акробатических упражнений для меня пустяк. Я сделал замах ногой, одновременно подтягиваясь на руках, и уже в следующее мгновение сидел на перилах. Выбрав на балконе свободное пространство, я бесшумно спрыгнул в него и распахнул дверь. Кругом по-прежнему было тихо. К счастью, моего акробатического этюда никто не увидел.

Запах в квартире Чака был тяжелым. Помещение, куда я вошел, оказалось кухней. Обеденный стол с изрезанной ножом

поверхностью, пара обшарпанных шкафчиков, небольшой холодильник с фотографией полуголой девицы, наклеенной на дверце, — вот и вся обстановка. Ни Чак, ни его вчерашняя гостя не отличались чистоплотностью — в раковине лежала немытая посуда, на столе валялись огрызки яблок, кожура бананов, на полу расплзлась и засохла лужица какого-то напитка.

Еще раз окинув взглядом кухню, я направился по коридору, по одну сторону которого располагалась ванная и туалет, по другую — жилая комната. Достигнув двустворчатых дверей с рифлеными стеклами, я, секунду поколебавшись, заглянул в них и тут же отпрянул. В комнате кто-то был. Справившись с волнением, я шире раскрыл двери и вошел в них. В небольшой, тесно заставленной старенькой мебелью комнате поперек неширокого дивана лежал человек. Это был крепкий молодой мужчина с грубоватыми, но красивыми чертами лица, одетый в шикарные черные туфли, недешёвые черные джинсы и болотного цвета рубашку. Мужчина лежал в мирной позе, прикрыв глаза и сложив на животе руки, и если бы не растекшееся по его рубашке и дивану бурое пятно и не торчащий из груди кухонный нож с пластмассовой ручкой, можно было бы подумать, что человек спит. Увы, Чак, еще вчера разгуливающий с Элкой, был мертв.

Я не из пугливых. Мне доводилось иметь дело с трупами, поэтому я не испытываю панического ужаса, глядя на них. Я некоторое время всматривался в лицо мертвого человека, словно для того, чтобы хорошенько его запомнить, потом оглядел комнату. Вчера в ней явно пировали. На журнальном столике стояла пустая бутылка из-под водки, рюмки, кое-какая закуска, полная окурков пепельница. В углу дивана я заметил изящную дамскую сумочку, наверняка принадлежащую Элке.

Я стряхнул с себя оцепенение и принялся обыскивать комнату, опасаясь наткнуться на еще одно мертвое тело. Я посмотрел за спинку дивана, под стол со свисающей почти до пола скатертью и даже заглянул в шкаф. Потом вышел в коридор. Комната была единственная в квартире, и я осмотрел ванную и туалет, но нигде, к моему облегчению, ни Элки, ни следов, указывающих на то, что она убита, не обнаружил.

Пора было сматываться. Зная по кинофильмам и по книгам, как поступают люди, желающие скрыть следы своего пребывания на месте преступления, я носовым платком протер все предметы, которых коснулись мои руки, за исключением перил на балконе, посчитав, что на облупившейся и съездившейся от дождей краске перил отпечатки пальцев не останутся. Затем взял Элкину сумочку, сунул ее в подвернувшийся под

руку целлофановый пакет и подошел к двери. Глянул в глазок. На лестничной площадке было пусто. Я приоткрыл двери и выглянул в подъезд — никого. Тогда я вышел из квартиры, осторожно прикрыл за собой двери, быстро спустился по лестнице и выскользнул на улицу.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я прогулочным шагом доплелся до входа во двор, миновал ворота, однако направился не влево, где меня поджидали Леева и Великороднова, а вправо, в сторону автобусной остановки. Мне необходимо было некоторое время побыть одному, собраться с мыслями.

На облицованной рейками автобусной остановке торчали три человека. Я примостился на скамеечке, опоясывающей одну из опор остановки, положил рядом с собой пакет с сумочкой и задумался.

Что же произошло вчера в квартире Чака? Кто его убил? Увы, все факты, как ни крути, указывали на то, что это сделала Элла. Зря я считал девушку распутной и гулящей. Неиспорченная, по-видимому, она оказалась. Скорее всего, Чак этот вчера заманил Элку к себе домой, подпоил и пытался изнасиловать, а Ягодкина, защищаясь, схватила с журнального столика кухонный нож и в горячке ударила им Юру в сердце. Смерть наступила мгновенно, а перепуганная девушка

сбежала из квартиры. Домой она боится появляться и скрывается сейчас у кого-то из подруг или знакомых. Все логично. Если бы Чака убил кто-то другой, Элла давно заявила бы об убийстве в полицию и вернулась к матери. Но виновна она и потому скрывается от правосудия. Да-а... дочка Верки влипла в историю по самые уши.

Конечно же, как честный, законопослушный гражданин я обязан был немедленно позвонить в полицию и сообщить об убийстве и лице, его совершившем, но как друг семьи Ягодкиных не имел права так поступить. Долг мужчины обязывал меня найти девушку, выяснить, что, в конце концов, произошло в доме Чака, и, если Элка действительно виновна, убедить ее во всем признаться.

К автобусной остановке подошел автобус, и группа пассажиров поспешно влезла в него. Автобус тронулся, а я сидел и тупо глядел на движущийся борт автобуса. Внезапно узкая никелированная полоска оборвалась, и моему взору открылся вид на противоположную сторону улицы. Там наискосок на точно такой же остановке сидел рослый парень лет двадцати семи и в упор смотрел на меня. Парень как парень, сидит и смотрит, на то у него и глаза, но почему-то я под его колючим взором почувствовал себя неудобно. Наткнувшись на мой взгляд, молодой человек опустил голову. И я отвернулся и полез в карман за сотовым телефоном.

Достав мобильник, потыкал в него пальцем и приложил к уху.

— Алло! — после нескольких зуммеров отозвался в трубке голос.

— Привет, Вера! — произнес я негромко. — Игорь звонит. Есть какие-нибудь новости об Элле?

В трубке раздался тяжкий вздох:

— Нет, а у тебя?

— Кое-что узнал, — признался я. — В общем, так, Вера, дочка твоя жива, но влипла в нехорошую историю и сейчас, по-видимому, где-то прячется.

В трубке прозвучал какой-то булькающий звук, и женщина закудаhtала:

— В какую историю, Игорь?! Боже мой! Что случилось?!

Чтобы не пугать Веру, я решил пока не рассказывать о произошедшей на улице Севастопольской драме и сказал:

— Расскажу при встрече. Ты в полицию о пропаже Эллы больше не заявляла?

— Нет, — с недоумением произнесла Ягодкина. — Как утром позвонила, и все... А что такое?

— И не звони больше. Сиди тихо дома, а я постараюсь помочь твоей дочке выпутаться из истории. Все уяснила?

— Уяснила, — эхом отозвалась Вера и жалобно сказала: — Игорь, может быть, все-таки

расскажешь, что произошло?

— Нет! — отрубил я. Истерика, слезы и причитания мне были сейчас ни к чему. — Обо всем при встрече. Не волнуйся, я сделаю все, чтобы выручить твою дочь из беды. Верь мне... И вот еще что, — вспомнил я. — Ты дала мне фамилии и телефоны Элкиных подружек — тех, что живут в наших краях, а мне нужны их адреса. Узнать сможешь?

— Сейчас обзвоню знакомых и выясню, — с готовностью отозвалась Ягодкина.

— Давай! Потом звякнешь мне. Жду! — Я отключил мобильник и сунул его в карман. Когда я бросил взгляд на противоположную сторону улицы, рослого парня на остановке уже не было.

Я поднялся со скамейки, сунул пакет с сумочкой под мышку и зашагал под горку к стоявшему у ворот дома отдыха «Ситроену».

К машине я подошел с видом человека, которому наконец-то улыбнулась удача.

— Чака дома не оказалось, — заявил я, влезая на заднее сиденье автомобиля, — но его соседка по лестничной площадке сказала, что вчера вечером видела Юру и вместе с ним Элку. Они с бутылкой вина поднялись в квартиру, всю ночь колобродили, а утром ушли, — приврал я на всякий случай. — Так что с Эллой все в порядке, и сейчас она болтается где-то со своим хахалем по городу.

Женщины выслушали меня с неподдельным интересом. Великороднова искренне обрадовалась.

— Ну, слава богу, девка жива и здорова оказалась! — воскликнула она, как-то по-старушечьи причитая. — А то мы здорово за нее волновались.

А Леева возмутилась:

— Вот стерва молодая! — вскричала она и от избытка переполнявших ее эмоций стукнула ладонью по спинке сиденья. — Мать места себе не находит, мы с ног сбились, разыскивая ее, а она с мужиком целые сутки шляется!

— Бессовестная! — поддакнул я. — Ох, и попадет Элке от матери, когда она домой заявится. Ладно, девушки, благодарю за службу. На сегодня все дела закончены. По домам!

Я сделал попытку выбраться из машины, однако Леева придержала меня за плечо.

— Да погоди ты! Куда? Я вас до дому подброшу. А то нехорошо получится — целый день я вас возила, а теперь вдруг на дороге кину.

Я кивнул на Свету.

— Ее вон подбрось, а я к товарищу заскочу. Он здесь рядышком живет.

— Так мы тебя подождем! — переглянувшись с Великородновой, сказала Леева.

Однако я с хитрым видом покачал головой и рассмеялся:

— Долго ждать придется. Мы с приятелем давно не виделись. Мальчишник устроим. А вы поезжайте, я позже на автобусе сам до дома доберусь.

Причин задерживать меня дальше в машине вроде бы не было. Марина освободила мое плечо, однако, обратив внимание на торчащий у меня из-под мышки пакет, ухватила за него и с силой потянула.

— А это откуда у тебя взялось?

У Леевой, как я понял, ампула глупенькой наивной девочки, которой все позволено. Так что нахальные, бестактные, бесцеремонные поступки — ее репертуар. Запросто может выхватить пакет и развернуть его. Я, в свою очередь, отбросив деликатности, откинул руку Марины и заявил:

— Бутылку купил. Я же сказал, что к приятелю в гости иду.

Не знаю, поверила мне Леева или нет, но только грубость моя ее покорила. Обиженно поджав губы, она отвернулась и завела мотор автомобиля, а я наконец выбрался из машины и направился к остановке.

ГОРОД ЖЕНЩИН

Избавившись от общества Великородной и Леевой, я вдохнул свободнее. Дело приняло

серьезный оборот, и теперь чем меньше людей будет привлечено к поиску Элки, тем меньшую огласку это дело получит, а значит, есть шанс пока сохранить все случившееся на улице Севастопольской в тайне, и к тому времени, когда полиция выйдет на девушку, успеть что-либо предпринять для ее спасения. До квартала, где я жил, было три остановки. В автобусе у меня зазвонил мобильник. Как я и предполагал, звонила Вера.

— Иго... — успела произнести Ягодкина, как я оборвал ее.

— В автобусе еду, перезвоню через пару минут, — буркнул я и отключил «телефон».

Я сошел у магазина «Чародеи», не доехав одной остановки до дома. Мне нужен был телефон-автомат, а у магазина, я помнил, стояла ряд телефонная будка. Звонить в полицию по мобиле я побоялся. Неизвестно, какая у них там аппаратура стоит, вдруг вычислят. Я зашел в будку, набрал сто два и сказал взявшему на другом конце провода дежурному о том, что на улице Севастопольской, в доме шесть, квартире семнадцать, лежит труп молодого человека. Прежде чем парень успел о чем-либо меня спросить, я повесил трубку.

Когда отошел подальше от магазина, достал мобильник и набрал номер Веры. Она скинула мне эсэмэску с адресами двух Элкиных подруг.

Катя Рябинина жила через квартал от моего, в девятиэтажке с магазином автозапчастей на первом этаже. Здание уступом лепилось к зданию-близнецу, во внутреннем двореке разместились, детская площадка и ряд гаражей.

Я сам живу в типовой девятиэтажке, поэтому отлично знаю порядок нумерации квартир в подобном доме. Двадцатая, Катина, должна находиться на восьмом этаже, ибо нижний этаж занимал магазин. Я вошел в подъезд, затем в лифт и нажал на кнопку с почти стершейся цифрой восемь. На этаже, где я вышел, всего две двери, однако рядом с той, что располагалась слева, было два звонка с цифрами девятнадцать и двадцать под ними. Кого-то, может быть, и озадачило бы то, что за одной дверью располагаются две квартиры, но не меня, жителя девятиэтажки. Я отлично знал, что за дверью находится длинный общий коридор на две квартиры и что обычно жильцы, кому достались квартиры с подобной планировкой, своими силами устанавливают в коридоре еще одни двери, ставя, таким образом, дополнительный заслон для взломщиков.

Я надавил на кнопку звонка с цифрой двадцать под ним. Где-то хлопнула дверь, раздались шаги, потом все стихло: меня, очевидно, изучали в глазок, — и наконец дверь открылась. На пороге стояла невысокая округлая женщина в

домашних брюках, просторной, мужского покроя, рубашке навыпуск и в тапочках. На вид ей было лет сорок. Довольно приятная: с чуть вздернутым носом, мягкими губами, ямочками на щеках и умными блестящими глазами. Русые волосы хозяйки двадцатой квартиры были заплетены в косы и уложены вокруг головы. Сейчас так уже не носят. Образ этой пышущей здоровьем зрелой женщины ассоциировался у меня с образом русской купчихи. Если бы я был художником, то непременно запечатлел ее на холсте в соболях, едущей ранним морозным утром по скрипучему снегу на санях на городскую ярмарку.

— Вы ко мне? — с легким удивлением спросила меня «купчиха».

— А разве к такой роскошной женщине, как вы, не может прийти мужчина? — ответил я вопросом на вопрос.

— Может, конечно, — засияв ямочками на щеках, согласилась хозяйка двадцатой квартиры. — Но почему-то не приходит. У меня в квартире вообще, кроме электрика и сантехника, лица мужского пола не бывают. Вы случайно не сантехник?

— И не электрик тоже, — подхватил я с усмешкой. — Но если понадобится, могу заменить и того, и другого.

Женщина склонила голову.

— Я буду иметь вас в виду... Так зачем вы пришли? — перешла она к делу.

Я слегка стушевался.

— Вы знаете... Кха! — закашлялся я. — Я, по правде говоря, не к вам пришел, а к вашей дочери.

— Ну вот, — сделав вид, будто обиделась, произнесла женщина. — За столько лет один раз в мой дом пришел мужчина и то не ко мне. — Она не флиртowała и не кокетничала, просто подтрунивала надо мной, а еще больше над собой, и у меня даже не возникало на ее счет фривольных мыслей. — А не скажете, зачем вам моя дочь потребовалась?

Любая мать имеет право знать, зачем к ее дочери солидные мужчины ходят. Я сознался:

— Я дядя Элеоноры Ягодкиной. Она куда-то запропастилась. Я хотел бы поговорить с Катей, выяснить, не знает ли она, где моя племянница.

— Ах, Эллы! — живо откликнулась женщина. — Впервые слышу, что у нее есть дядя. Вы проходите. Катя недавно пришла из института, сейчас готовится к занятиям у себя в комнате.

Хозяйка отступила и, когда я вошел в коридор, прикрыла за мной двери. Страдающим клаустрофобией жить в девятиэтажках с подобной планировкой я не советую. Запросто чокнуться можно, оказавшись в длинном, узком, как пенал, коридоре без окон, с единственной лампочкой посередине. Мы прошли по коридору, свернули в

конце его в распахнутую справа дверь.

— Катя, к тебе пришли! — крикнула хозяйка и указала на закрытую в конце прихожей дверь. — Проходите, пожалуйста!

Я шагнул к двери, постучал в нее и, не дожидаясь приглашения, вошел в комнату. В ней на стоявшей у стены деревянной кровати, раскинув руки и ноги, с книжкой на груди дрыхла девица. При окрике матери она даже не шевельнулась. Очевидно, по природе своей Катя Рябинина была человеком высокомерным, обидчивым и своенравным. Даже во сне с ее лица не сходило надменное выражение, а линия рта была капризно изогнута. Впрочем, такая красивая девушка с утонченными чертами лица, превосходной фигурой, бархатной кожей и копной пышных русых волос, наверное, имеет право на гордыню.

Я пощекотал маленькую изящную ступню Кати. Девушка отдернула ногу, подтянула ее к себе, потом неохотно разлепила веки и уставилась на меня изумленным взглядом.

— Педикюршу вызывали? — пошутил я.

Девушка посмотрела на сей раз ошалело, быстро села на край кровати и поправила короткий халатик.

— Какую педикюршу? — не поняла она.

— Которая чистит и полирует ногти на ногах, — продолжал балагурить я. — Извиняюсь,

но не знаю, как сказать педикюрша в мужском роде, поэтому говорю о себе в женском. С вашей мамой я уже поработал. Теперь ваша очередь.

Рябинина некоторое время молчала, переваривая услышанное, потом прищурилась и с понимающим видом изрекла:

— Прикальваетеесь, да?..

— Конечно, прикальваююсь, Катя! — Я придвинул к себе стоявший у письменного стола стул и уселся на него напротив девушки. — Мама говорила, будто ты занимаешься, а ты книжки почитываешь, — я кивнул на лежавший на кровати толстенный том Джона Голсуорси.

Катя сладко потянулась и, подавив зевок, заявила:

— А я и занимаюсь. Я в институте иностранных языков учусь. Вот, «Сагу о Форсайтах» читать задали. — Девушка поморщила хорошенький носик. — Скучняк такой!

— Напрасно ты так говоришь, — обиделся я за Джона Голсуорси. — Очень хорошая книга. Мне еще «Конец главы» его нравится.

— Очень хорошая, — хмыкнула Катя. — Такая хорошая, что я на двадцатой странице уснула.

Решив, что знакомство состоялось, я перешел к цели своего визита.

— Я ведь к тебе по делу пришел, — объявил я серьезно. — Я дядя Элеоноры Ягодкиной.

При упоминании имени Эллы в выражении лица моей собеседницы произошли неуловимые изменения. На ее губах все так же блуждала усмешка, но она стала немного жестче, что ли, а в глазах появился холодный блеск. Девушка молчала, ожидая дальнейших объяснений.

— Элла с мамой поругались, — продолжил я. — Знаешь ведь, как иной раз младшее поколение со старшим конфликтует. Вот у них и разошлись взгляды на жизнь. В общем, вчера вечером Элла психанула и ушла из дому, и ее мама до сих пор не знает, где ее дочь. Вот теперь вся родня Ягодкиных разыскивает беглянку. Ты не знаешь, Катя, у кого Элла может скрываться?

Девушка нахмурила брови.

— Я не знаю, где может быть Элеонора, — сказала она сдержанно.

«На хвост она тебе наступила, что ли?» — подумал я, дивясь бездушию девушки, но продолжал настаивать:

— Неужели у тебя нет никаких соображений относительно того, где может находиться твоя подруга?

— Абсолютно! — отбрила меня Катя.

— Может быть, ты все же поможешь мне? Пойми, Катя, мама Эллы с ума сходит, теряясь в догадках, где ее дочь. В полицию заявила. Я с утра на ногах, бегаю по институту да друзьям девушки.

Возможно, с ней случилось несчастье.

Нет, не хотела Рябина откровенничать. Она отвела глаза и сухо произнесла:

— Я все понимаю, но ничем вам помочь не могу.

Я чувствовал, что бьюсь в глухую стену.

— Но вы же подруги! — не выдержав, укорил я. — Как ты можешь с таким безразличием относиться к судьбе близкого тебе человека?

— А мы и не подруги вовсе, — наконец-то призналась Катя. — Я с Элкой поругалась и давно не поддерживаю отношений. Так что извините.

Все ясно — нет врагов непримиримей, чем бывшие друзья. Однако я возразил:

— Вчера поругались, завтра помиритесь. У вас же остались общие знакомые. Вы учились с ней в одной школе, дружили уже будучи студентками. Кому как не тебе знать интересы Эллы, ее вкусы, круг общения. Ты же...

Я не договорил. Катя бесцеремонно перебила меня.

— Я устала вам объяснять! — сказала она озлобленно. — Знать ничего не знаю про Ягодкину и ничего не хочу знать!

Все, больше я ничего не добьюсь. Приходилось мне иметь дело с подобным типом людей. Как упрутся, будут стоять на своем. Хоть на коленях перед ней ползай — не сжалится. Вредная

девка. Я встал и начал прощаться:

— Ладно, Катя, извини, если что не так. До свидания.

— Желаю удачи, — глядя куда-то в сторону, мрачно сказала Рябинина.

Я бросил прощальный взгляд на комнату, на сидевшую в напряженной позе девушку, повернулся и направился к двери. В прихожей у входа в кухню меня поджидала Рябинина-старшая. Пока я беседовал с Катей, ее мама, по-видимому, находилась неподалеку и сквозь приоткрытую дверь слышала весь наш разговор.

— Вы извините Катю ради бога, — сказала женщина, приложив руку к крепкой груди. — Она девочка с характером. А с Элеонорой они подруги были не разлей вода. И вот словно черная кошка между ними пробежала. Уж и не знаю, что между ними произошло, но разругались они не на шутку. Вот уж месяц, как не разговаривают. Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

Конечно, Катина мама ничем не могла мне помочь — ну что она могла знать про Эллу? — просто она испытывала неловкость за грубое поведение дочери и теперь пыталась сгладить то неприятное впечатление, которое у меня осталось от посещения ее дома.

— Ну что вы, — качнул я головой. — Любой характер уважать нужно, а уж независимый — тем

более. За предложение спасибо, но я не думаю, что вы можете поспособствовать мне в поисках племянницы.

— Жаль, — печально отозвалась женщина.

Я попрощался с нею и вышел за дверь. На улице снова глянул в список. Последней в нем значилась Шувалова Юля. Я вспомнил фильм Марчелло Матронеяни «Город женщин» и невольно ухмыльнулся: счастье, что в нашем городе равное количество представителей обоих полов. Понятно, Элла — девушка, и, разыскивая ее, я в основном встречаюсь с окружающими ее по большей частью женщинами, но все же я был бы не прочь встречаться также с мужчинами, с которыми можно поговорить без всяких сантиментов и околичностей, чисто по-мужски.

Шувалова, еще одна бывшая одноклассница Эллы, судя по адресу, жила неподалеку от моего дома за железнодорожным переездом. Добираться до нужного мне места я решил на троллейбусе.

Девятиэтажка, в которой я жил, находилась метров на пятьдесят дальше остановки. Она стояла вдоль дороги на бугорке и на фоне окружавших ее пятиэтажных зданий казалась исполином. Взглянув на окна своей квартиры, я подумал о том, что неплохо было бы сейчас принять душ и поваляться у телевизора на диване, однако, преодолев желание зайти домой, направился в противоположную

девятиэтажке сторону.

И вот что удивительно: пока я шел к железнодорожному полотну, меня не оставляло странное ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я несколько раз оборачивался, глазел по сторонам, но никого и ничего подозрительного не замечал. Однако как только я, успокоившись, переставал вертеть головой, я снова чувствовал, как мой затылок начинал сверлить чей-то недобрый взгляд. Так, испытывая смутную тревогу, я перешел переезд и направился по тротуару, по обеим сторонам которого плотной стеной тянулись заросли шиповника.

Юля жила в кирпичной пятиэтажке. Здание стояло на отшибе, рядом с ним находился небольшой магазин, за ним — котельная, огороженная высоким железобетонным забором.

Я вошел в подъезд, поднялся на второй этаж и надавил на кнопку звонка. Минуту спустя дверь с треском распахнулась, и на пороге возник жилистый мужчина лет сорока в потертых джинсах и рубашке. Лицо у него было уродливым — землистое, со шрамом на искривленном носу, с плоскими губами, крутым лбом и узкими злыми глазами. Даже на расстоянии я уловил исходящий от него резкий запах перегара.

— Чего тебе? — тоном еще не остывшего от крупной ссоры человека спросил он. Голос у

мужчины был низкий, хриплый с металлическими нотками.

Я слегка опешил, но быстро взял себя в руки и спокойно, очень вежливо сказал:

— Здравствуйте. Мне нужна Юля Шувалова.

Мужчина оскалился, точно цепной пес, и прорычал:

— Нет ее дома.

Я поинтересовался:

— А когда она будет?

— Не знаю! — рявкнул мужчина, и его голос, звучавший, как вибрирующий лист жести, эхом отозвался в подъезде.

Не знаешь, и бог с тобой! Я собрался было повернуться и уйти, а мужчина уже стал закрывать двери, но в этот момент в квартире прозвучал обиженный девичий возглас:

— Ну зачем ты обманываешь, папа, я же дома!

За спиной мужчины возникла девушка. В темной прихожей лица ее было не разглядеть, я видел лишь поблескивающие большущие глаза. Я взялся за ручку двери и потянул на себя.

— Элла пропала, Юля, я бы хотел с тобой поговорить! — игнорируя присутствие мужчины, обратился я к девушке.

Однако папа Юли гаркнул на дочь:

— Зайди в свою комнату, быстро! — потом

повернулся ко мне и спесиво заявил: — Она наказана и ни с кем разговаривать не будет.

— Ты что, мужик, от пьянства совсем отупел?! — рявкнул я, делая зверское лицо. — Я же тебе русским языком объясняю, у меня к твоей дочери серьезное дело. Мне поговорить с ней нужно. А ты здесь комедию ломаешь! Ну-ка пусти девушку! — И я сильнее дернул ручку двери.

Хозяин квартиры вроде даже обрадовался моим агрессивным действиям. Он слегка ослабил усилие, с каким удерживал дверь с обратной стороны, и насмешливо сказал:

— Ну давай, вломись ко мне в хату, я тебя живо за разбой за решетку упрячу!

С него станется. Я тут же оставил в покое ручку, однако сунул в пространство между косяком и дверью ногу и примирительно произнес:

— Ладно, мужик, побалагурили и хватит. Выпусти девушку, я тороплюсь.

Юлин папа чувствовал себя хозяином положения: мол, хочу казнь, хочу милую. На его уродливом лице отразилось раздумье, потом он ухмыльнулся и заявил:

— Хорошо, дай на бутылку водки, Юлька с тобой поговорит.

Я вытаращил глаза на практичного папашу.

— Ну ты козел! — выпалил я. — Ты же так и дочь, и мать, и жену продать можешь!